

Самый неудобный капитан

В 1939 году с падением Испанской Республики пять испанских грузопассажирских судов были переданы их капитанами на баланс ЧМП. В этом году 110 лет со дня рождения одного из капитанов-политэмигрантов Родриго Эрнандеса, связавшего свою жизнь с Одессой.

Капитан Эрнандес с мостика: "Почему задерживается отход?"

Матрос: "Флора Иванова, ваша жена, не села".

Эрнандес: "Убрать трап! Вира концы!"

Морской анекдот

Республика пала

25 июня 1936 товаропассажирский теплоход "Domina" компании "Trans Mediterran Sun" с 230 пассажирами на борту прибыл для бункеровки на остров Гран-Канария. Супервайзер сообщил, что на архипелаге уже второй день правят бал франкисты. Молодой капитан-республиканец Родриго Эрнандес, не медля ни минуты, приказал майнать разъездной баркас. Через полчаса баркас ошвартовался к борту стоявшего под парами линейного марсельского парохода "Asou", с капитаном которого Эрнандес, свободно владевший французским, был знаком лично.

По прибытии в Марсель Эрнандес "явился доложить" в генконсульство Испании. Ревкомитет Испанской Республики назначил Эрнандеса капитаном парохода "Isla Gran Canaria", на котором он совершил три рейса в черноморские порты СССР с детьми и женщинами.

Четвертый рейс делал на грузопассажире "Ciudad de Tarragona". На Майорке в тюрьме Санта-Мария уже томились экипажи одесских пароходов "Комсомолец" и "Макс Гельц". В октябре 1939 ошвартовались в Одессе у 14-го причала. Вице-консул сообщил, что республика пала.

Привезенных в СССР испанских детей-беженцев расфасовали по двум уютным особнякам на Пролетарском бульваре. В специнтернатах из них готовили подрывников-диверсантов. Сейчас важно было вредить, рвать на куски, мстить за горечь изгнания, которую они еще в полной мере не ощутили. И ужас изгнания.

На первых порах республиканцы нарекали младенцев Иосифами и наивно верили в торжество детища Троцкого, IV Интернационала. Потом стали будоражить слухи о беспримерно жестоких репрессиях против троцкистов в СССР.

Осевший в испаноязычной стране Троцкий пользовался у республиканцев колоссальным авторитетом. В последних работах, которые в первую очередь были переведены на испанский, и с которыми самые активные морские офицеры успели ознакомиться еще на родине, койоканский затворник рассматривал Сталина как роковую величину для социализма. Он призывал трудящихся сбросить власть товарища Сталина и его клики.

В КомиЛАГе заговорили по-испански

Дипломированный капитан Эрнандес сдал пароход представителю УЧП, Управления Черноморского пароходства, и попросил политического убежища, став безлошадным советским капитаном Рохелием Рохельичем. В городе Хихон, родовом гнезде династии капитанов Эрнандесов (династия прослеживалась до пятого колена, один из пращуров отличился в Трафальгарском сражении), остались жена и сын.

УЧП вскоре передало "Таррагону" в Севастополь, наркомат обороны получил дармовые плавказармы, а пароходство — одного из самых неудобных за всю историю капитанов.

С 1939 по 1941 Эрнандес, быстро освоив русский язык, работал капитаном на "Судком", "Полине Осипенко", "Севастополе", став "кавказским пленником", то есть невыездным политэмигрантом, обреченным горбатиться на Крымско-Кавказской.

В период оккупации Одессы остался в городе, власти почему-то о нем просто забыли. "Почему остался?" — будут допытывать следователи МГБ. "Этот вопрос не ко мне", — язвительно ответит, он быстро усвоит одесские интонации. А где ему было оставаться? На руках новорожденная дочь Фелиция и вторая жена Флора, одесситка с Садовой, Ефросинья Ивановна.

После освобождения города в 1944-м работал капитаном на судах "Интернационал", "Зырянин", "Котовский".

Но давала знать прогрессирующая на волне победной эйфории шизофрения Сталина, и в 1948-м гнев вождя обрушился на республиканцев. Эрнандес был арестован в Одессе и осужден на 10 лет по ст. 54 УК УССР. Наказание отбывали в г. Инжа (КомиЛАГ). Освободили в 1955 "за прекращением дела с полной реабилитацией".

После освобождения вялился в резерве.

"Домашние обстоятельства и зарплата, которую я получаю по резерву, не дает мне возможность обеспечить содержание моей семьи", — писал

красивым старомодным почерком с вензелями Рохелий Рохельич 13 июня 1955 начальнику Азовского р-на УЧП Передерию.

Пустили. С 1957-го капитанил на пассажирах-рысачках: "Котовский", "Горловка", "Павлодар", "Белоостров".

"Колхиду" ставят в угол

Незаслуженное наказание, безусловно, повлияло на переосмысление неприглядных реалий, но возникший конфликт с кормчими ЧМП был спровоцирован отнюдь не Эрнандесом. Наверное, впервые за историю пароходства в тандем "капитан — помполит" было заложено противоречие. На должность капитана рекомендовали беспартийного. Первых помощников, должности которых на каботажных линиях выглядят откровенно дармоедскими, не воспринимал рефлексивно, кожей, он их даже "комиссарами" за глаза не называл, как русские, а обозначал обтекаемо "политработниками", получая горячее одобрение у судовой молодежи. Рохелий Рохельич не скрывал неприятие доноса. Чтоб обезопасить себя от "стукачей" и "слухачей", индивидуально питался в каюте. Состряпали "маляву", что завел личную буфетчицу, штатным расписанием должность не предусматривалась.

Зарплату выдавал лично по западному образцу в конвертах, уволив четвертого помощника, в круге обязанностей которого бухгалтерия. Когда "кадры" снова благословили четвертого прорываться на судно, Эрнандес дал отбой под предлогом отсутствия каюты. Рохелий Рохельич умел держать удар, даже если этот удар под дых.

Партком пароходства не мог его приструнить, мог только одернуть. Даже за "аморалку". Женская тема отдельным и едва не заглавным пунктом в доносах на горячего капитана-испанца.

Многочисленные проверяющие строчили докладные: "...самоустроился от воспитания командиров...", "...политически подготовлен слабо...", "...в своих редких выступлениях не связывает вопросы жизни экипажа с решениями XXIII съезда КПСС...", "пренебрегает решениями...".

Он не просто пренебрегал решениями общественных организаций судна, он их отменял.

— Решение судкома, — отменяю! — говорил.

Лично распределил премию за четвертый квартал и лично выдал. Чтоб не располовинили.

Пренебрегал еще и дурацкими распоряжениями военно-морского ко-

мандования "О порядке движения в режимной акватории Севастополя". В рапортах сообщалось, что Эрнандес "не уступил дорогу соединению военных кораблей, находился на дистанции 3-5 кабельтовых от Константиновского равелина вместо 20...". Своенравную "Колхиду" с пассажирами на борту задержали и поставили в наказание на якоря в бухте Матюшенко. Как в угол. В другой раз, "11 февраля 1963, самовольно отошел от морвокзала и на рейде был задержан дежурным командного пункта управления рейдом и поставлен на якорь". Снова в бухте Матюшенко.

В другом рейсе жарким днем разрешил сомлевшим пассажирам купание на рейде Анапы. На пароходе-душегубке вентиляция была ни к черту с постройки в Ленинграде. Правда, Эрнандес убедительно оправдывался, сообщал, что в Анапе "были брошены для безопасности купающихся три спасательных круга, и он лично пристально наблюдал в бинокль за купающимися". Особенно за дамами. За Анапу — строгий выговор.

Редактору журнала "Морской флот" рекомендовалось приостановить публикацию очерка об экзотическом капитане Эрнандесе, который, кстати, регулярно превы выполнял план по пассажироперевозкам.

Единоначалие вместо опеки помполитов

Красный Крест время от времени присылал запросы, интересовался, не обижают ли иноземцев, а власти парламентарно пудрили Стокгольм невнятистями: "Проявляет излишнюю темпераментность в решении некоторых вопросов".

Низвержение политэмигранта сулило к середине шестидесятых громкий международный скандал, и потому в резолюциях отбекаемо отписывались: "Критику признает, работает над ошибками". Хотя он и не собирался.

В идеологические клещи его было не обхватить. Профессионализм его высочайшего класса признавал даже матрос Т., друживший с помполитом и наверняка на Эрнандеса "стучавший". Оставалось поймать на живой копейке, не аморалку припать, так уголовку.

Написал комиссар "телегу", что пользуется дома занавесками и бельем с судна. Говорил же Флоре, чтоб не увлеклась. Он подарил им целый пароход, который, кстати, привез золотой запас Испании, а они попрекали его простынями.

К 70-му, концу морской карьеры, преследования трансформировались в откровенную травлю. Заключение проверяющих выглядели приговорами: "Комиссия считает, что оставлять на судне капитана Эрнандеса неце-

лесообразно по мотивам преклонного возраста (69 лет), нервной истощенности, раздражительности, забывчивости. У Эрнандеса наблюдается мнительность, граничащая с манией преследования". Вот так, сначала "ату!" кричали, а потом уличали в "манечке".

На Эрнандеса обрушился поток кляуз, для которых он сам порой безоглядно давал повод. Вот что докладывает помполит начальнику пассажирской службы ЧМП Сидорову И.А. и серому пароходскому кардиналу секретарю парткома Олешкевичу Г.А.:

"На судне создалась крайне ненормальная обстановка. Его жена Флора Ивановна, находясь на судне, во время рейсов систематически устраивает с ним скандалы и драки, незаслуженно оскорбляет и терроризирует женщин членов экипажа тт. Л-о и Го-ву, уличая их в сожительстве с капитаном. 28 августа 1964 учинила физическую драку с капитаном и вместе с ним прибежала ко мне в каюту. Капитан, в свою очередь, обратился ко мне с просьбой защитить его, ибо он дальше не в состоянии командовать судном. В беседе со мной капитан Эрнандес заявил, что он вынужден разойтись или учинить над собой крайнюю меру".

Во какой накал! Одесский темперамент столкнулся с бискайским штормовым Эрнандеса, родина его Хихон на берегу Бискайского залива. Так из заурядной "бытовухи", о которой завтра сами фигуранты забудут, лепятся выгодные оргвыводы.

Свою каботажную кормилицу "Колхиду", разделившую с ним невыездную судьбу, никогда не обзывал галерой, одушевлял, обозначал исключительно по-одесски "моя ласточка", он ласточку искренне и мучительно любил. Как и город, название которого на бакборте. Как и жену Флору Ивановну, с которой можно помимо инсульта и в огонь, и в воду Крымско-Калымской, и в оккупацию, водоплавающая жена перебивала с ним везде, в КомиЛАГ на "личняк", личное свидание, тряслась в "стовеселых". Так не прощают единственно любимым, ради которых сожжены мосты.

Партком рекомендовал иезуитски оставить на один рейс Эрнандеса в Одессе "для урегулирования своих семейных дел с женой Флорой Ивановной" и прислать на это время капитана Зелинского.

Учитывая, что до отхода судна было мало времени, Зелинскому предписывалось по приходу в Сочи принять дела. Капитан же Эрнандес из Сочи обрушился на ЧМП с "грубыми РДО". На мостик так и не пустил, Зелинский вынужден был улететь из Адлера. Крепость выдержала штурм. А помполита заменили.

Пришли другие капитаны, которые годились Эрнандесу в сыновья, они вырывались на лайнерах седьмого класса в средиземку. Заходили в Валенсию, на Канары.

— Как там Лас-Пальмас? — спрашивал Эрнандес своего второго помощника.

— В Пальмаса агент приходил, — рассказывал второй. — Он из интерната на Французском бульваре. Мануэль Гарсия.

— Не помню.

— Не мудрено. Ему было девять лет, когда вы, Рохелий Рохельич, привезли его в Одессу на "Гран-Канария".

Помнит. Мануэль в эвакуации кочевал по Казахстану. На гармошке жарил с переборами. Привет передавал.

"Из него готовили в спецдетдоме подрывника, — думает Эрнандес, — а он стал судовым агентом. Правильно и логично. Что сейчас взрывать? Страну стукачей? Говорят, Лас-Пальмас преобразился, расстроился".

"Прошу для улучшения материального состояния перевести меня на судно большего класса", — напишет Эрнандес начальнику пароходства.

"Министерство не находит оснований поддержать ваше ходатайство", — ответят из ММФ.

Эрнандес из осады перейдет в аргументированное контрнаступление, изгоняя "комиссаров" с помощью их же чернильной отравы.

"Первый помощник Се-ов заявил пассажирке, что капитан Эрнандес — очень плохой человек, — напишет Эрнандес, — аристократ по происхождению, и для того чтобы удовлетворить свои аристократические потребности, заставляет пассажирского помощника делать деньги нелегальным путем.

Я не аристократ. Все мои предки с далеких поколений были капитанами дальнего плавания. Я — республиканский демократ, преданный Республике до последнего дыхания. После Генеральной амнистии 1969 много испанцев уехало домой. Но я никогда не покину СССР, где я приобрел любимую семью, которая не оставила меня в самые тяжелые годы.

Во имя экипажа и для меня лично прошу вас направить на судно поллитработника, умеющего работать в контакте с капитаном, человека сознательного, который может решать все вопросы в пользу производства".

Комиссар, в свою очередь, огрызнется рапортом: "Эрнандес стал на путь распространения склок против меня".

Эрнандес мужественно по-донкихотовски защищался, боролся за место на мостике, за персональную пенсию, отодвигая неминуемую отставку на год или хотя бы на месяц, пока судно в ремонте. В отпуск сошел добро-

вольно, только когда 10 августа 1970 в одесский порт зашел шикарный испанский лайнер "Кабо Сан Рок", где капитаном на мостике стоял его сын, которого не видел 34 года (!). Из отпуска снова начал отчаянно проситься на "Колхиду": "В связи с визитом сына я отремонтировал квартиру и поиздержался...", "У моей семьи каждый рубль на счету, а меня хотят освободить от работы...".

"Кроме несправедливого отношения к себе, угроз и унижений семилетнего заключения, я больше ничего не чувствовал, и моя душа устала от таких ударов, — напишет рапорт, путая падежи, капитан "Колхиды" начальнику ЧМП А.В. Голдобенко. — Никому нет дела, как человек будет обеспечивать свою старость и свою семью, как страдать. Какой это страшный финал для человека, который 34 года в СССР ничего не испытывал, кроме переживаний! Я понимаю, что я иностранец и буду абсолютно чужой до последних минут своего пребывания в СССР".

29 сентября 1973 напишет рапорт заместителю начальника ЧМП по кадрам Лисюку В.Н.:

"Выполнение моего трудового стажа 25 лет для получения пенсии в размере 120 р. заканчивается в ноябре 1974.

Первого июня 1974 года задолженность по выходным дням и отпуска, неиспользованные мною, позволяют мне уйти с флота до срока, указанного выше.

В настоящее время, благодаря моему хорошему состоянию здоровья, я совершенно не нуждаюсь в отдыхе. Кроме того, мне необходимо плавать до конца года для получения 13-й зарплаты, а также отрегулировать мое денежное положение, тем более с 1939 г. все время в каботаже.

Разрешите заверить Вас в том, что после указанного срока я ни одного дня не буду работать на флоте!"

Эрнандесу разрешат вернуться в каботажные дали в последний раз. Возвращение будет отмечено свежими кляузми, часть доносов застрянет в делопроизводстве. Чернить будут примитивно:

"Несмотря на свои 74 года, капитан позволяет себе вести интимный образ жизни с официанткой Та-ук 1947 г. р. Капитан выгоняет ее с судна за то, что она полюбила кладовщика Мартынюка".

И подпишется: "первый помощник капитана т/х "Колхида"... такой-то-сякой, очередной. И вовсе не помощник капитану. И не моряк.

Когда в 1974-м сгоряча назначат комиссию для разбирательства, на ходовом мостике "Колхиды" будет стоять другой.